

АНО «Социологическая мастерская Задорина»
(Исследовательская группа ЦИРКОН)
109028, Москва, ул. Солянка, д.3, стр.1,
тел./факс: (495) 621-3415,
www.zircon.ru, info@zircon.ru

Неинституциональная социальная активность граждан: формы реализации и возможной поддержки

**Основные результаты комплексного
исследования**

ЦИРКОН
2018

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий документ представляет общие аналитические выводы по результатам комплексного социологического исследования **«Неинституциональная социальная активность граждан: формы реализации и возможной поддержки»**. Исследование проводилось в период с февраля по август 2018 г. и охватывало население г. Москвы.

Основные **цели** исследования состояли в следующем:

1. Изучить особенности формирования и функционирования неинституционализованной социальной активности москвичей, в т.ч. в виде устойчивых неформальных сообществ граждан.
2. Разработать рекомендации по коммуникации и поддержке неинституционализованной (неформальной) социальной активности граждан, направленной на решение актуальных для жителей Москвы социально-экономических задач.

Исследование носило многосторонний характер и предполагало изучение общественной активности москвичей как качественными, так и количественными методами. **Методической основой** исследования являлись два типа процедур¹:

- «качественная» часть – комплексные обследования конкретных неинституционализованных сообществ разных типов (case-studies 6 сообществ), включающие в себя интервью с лидерами и активными участниками сообществ, проведение фокус-групповых дискуссий с активом сообществ, невключенное наблюдение за деятельностью сообществ (в т.ч. в онлайн-форумах); данная часть исследования проведена в апреле-мае 2018 г. (См. Приложение 1);
- «количественная часть» - массовый телефонный опрос населения Москвы в возрасте от 18 лет и старше по репрезентативной выборке (репрезентация по параметрам пола и возраста, объем выборки = 1133 чел.); опрос проведен в июне-августе 2018 г. (См. Приложение 2).

Массовый опрос населения Москвы позволил увидеть, насколько распространены практики неформальной социальной активности среди москвичей, насколько они популярны, устойчивы, успешны, в каких формах реализуются, каково к ним отношение в общественном мнении. А анализ **интервью активистов и лидеров местных сообществ** и детальное изучение реальных практик этих сообществ дали возможность ответить на ключевой вопрос исследования – в какой мере неформальные сообщества и прочие объединения граждан заинтересованы в получении официального статуса НКО, и насколько они нуждаются в поддержке со стороны государственных органов.

Публичное представление и обсуждение полученных результатов осуществлено в рамках экспертной сессии в начале октября 2018 г. В качестве приглашенных экспертов были привлечены представители некоммерческих организаций и общественных объединений, органов власти и местного самоуправления, исследователи. По итогам экспертной сессии разработаны рекомендации для органов власти по взаимодействию и поддержке неинституционализованной (неформальной) социальной активности граждан, направленной на решение актуальных для жителей Москвы социально-экономических задач.

¹ Подробное методическое описание исследовательских процедур на всех этапах исследования см. Приложение 1 и Приложение 2.

Проект осуществлен совместно АНО «Социологическая мастерская Задорина» (группа ЦИРКОН) и АНО «Исследовательский центр «Дискурс» на основе субсидии из бюджета города Москвы социально-ориентированным некоммерческим организациям (по результатам Конкурса проектов 2017 года).

Приложения

- Приложение 1 – Аналитический отчет по результатам качественного исследования неформальных сообществ жителей Москвы;
- Приложение 2 - Аналитический отчет по результатам массового опроса населения Москвы.

Авторский коллектив

- И.В. Задорин (научный руководитель проекта)
- Р.С. Кузнецов (руководитель проекта)
- А.С. Грачев
- В.А. Зотова
- И.В. Карпов
- И.С. Кузнецов
- М.А. Лагутина
- Н.А. Макарова
- Д.В. Мальцева
- М.В. Романов
- Д.И. Сапонов
- Е.А. Сирина
- Е.В. Халкина
- А.П. Хомякова
- Л.В. Шубина

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие социальной активности включает в себя широкий круг разного рода социальных взаимодействий. В самом общем виде **социальная активность** может пониматься:

- ✓ как функция - включенность индивида/группы/сообщества в те или иные социальные взаимодействия, которые реализуются в различных повседневных практиках;
- ✓ как достижение результата - сознательная и целенаправленная способность индивида/группы/сообщества приспосабливаться к изменениям окружающего социального пространства, воздействовать на него, изменять, адаптировать его «под себя», в соответствии со своими интересами и/или общественно-значимыми ценностями.

Направленность социальной активности населения диктует ее масштаб – от частных (личных, семейных) бытовых вопросов до решения проблем, значимых для большинства или всех граждан. В обобщенном и очень условном виде эта схема представлена на Рис. 1.1.

Рис. 1.1. Уровни социальной активности населения

Соседский уровень социальной активности (соседство) предполагает, что межличностное общение носит бытовой характер. Это множество случайных, спонтанных, непродолжительных контактов, связанных с повседневностью, ежедневными заботами, радостями и горестями. Обсуждение гражданско-политических тем не исключается, но и не ведет к каким-либо дальнейшим действиям. Из разрозненных жителей уже образуется некая социальная общность, в которой есть взаимное доверие, но еще отсутствуют крепкие социальные связи и серьезная самоорганизация.

Гражданский уровень социальной активности уже предполагает наличие, артикуляцию общегрупповых интересов в целях реализации прав и интересов граждан или общего изменения социальной реальности. На этом этапе характерно широкое разно-

образе форм социальной активности и методов взаимодействия граждан в рамках этих форм (значительная их часть еще неинституализированы).

И, наконец, политическое участие непосредственно связано с борьбой за власть, причем формы активности на этом уровне в основном институализированы и, как правило, ограничены правовыми нормами².

Социальное (межличностное) участие занимает промежуточное положение между соседским (бытовым) и гражданским уровнем. Здесь происходит переход к формированию общих интересов, установлению стабильных и более интенсивных контактов, выстраиванию общих целей и планов их реализации. Группы/сообщества настолько сплавиваются и самоорганизуются, что уже могут совершать коллективные действия, направленные на публичную манифестацию, реализацию и/или защиту своих интересов. Причем это могут совершенно разные интересы. И политический вектор (как влияние на решения властей) здесь далеко не единственный. Можно выделить следующие базовые направления социального (межличностного) участия³:

- взаимопомощь и поддержка нуждающихся (т.н. «помогающее поведение») – это волонтерство и благотворительность (оказание помощи финансовой и/или материальной (вещи, оборудование), предоставление информации и бесплатных/льготных услуг и т.п.);
- решение городских проблем и повышение качества жизни – это все сообщества социальной проблематики (беспокойство жителей по поводу работы городских служб, озабоченность качеством жизни, преобразованиями в городе, состоянием городского пространства (экология, архитектура, рекреационные зоны, дворовые территории, парковки, жилищные объединения)) и т.п.,
- культурная, спортивная и досуговая активность горожан – это объединения по интересам и увлечениям;
- творческие и профессиональные объединения;
- защита интересов отдельных социальных групп, имеющих потребность в учете своих специфических потребностей (дети, инвалиды, члены нетрадиционных конфессий, ЛГБТ и т.п.);
- развитие мелкого предпринимательства и местной экономики.

В настоящем исследовании были рассмотрены разные направления социального (межличностного) участия. В качестве наиболее типичных и распространенных форм активности москвичей для изучения были выбраны **благотворительная сфера** (т.н. «помогающее поведение»), а также **общественно-полезная деятельность** (благоустройство территории, решение общественных проблем, участие в массовых акциях по защите своих интересов). Последняя форма интересна не только сама по себе, но и в той мере, в какой затрагивает гражданский и политический контекст общественных интересов.

² Здесь не рассматривается *неконвенциональное* участие (незаконное и/или отвергаемое большей частью общества по моральным, религиозным и иным соображениям (незаконные демонстрации, пикеты, отказы повиноваться, терроризм и т.п.)).

³ В определенной степени эти направления присутствуют и на уровне гражданского участия – в той мере, в какой касаются влияния граждан на процесс принятия решений структурами публичной власти в целях реализации прав и интересов граждан или общего изменения социальной реальности.

Для глубинного изучения были избраны локальные городские сообщества различной тематики. Они изучались как количественными (в рамках массового опроса), так и качественными методами (комплексные обследования конкретных неинституционализированных сообществ).

Локальное городское сообщество – неформальное самоорганизующееся объединение людей, находящихся в общей точке географического и/или социального пространства города и связанных между собой общими интересами. Основными признаками локальных сообществ являются:

1. *привязка к месту, к конкретной точке пространства, локальная идентичность*. Причем пространство понимается здесь не только строго географически. Речь идет, прежде всего, о социальном пространстве как особой среде, в которой реализуются социальные отношения и формируются социальные связи. В этом смысле формообразующим для сообщества может быть также и культурное, историческое, административное, экологическое, демографическое, информационное и иные виды социальных измерений. Именно поэтому к городским сообществам относятся не только соседские группы (домовые, квартальные, окружные, районные, городские и т.п.), но и, например, градозащитные сообщества (общее историческое пространство), группы по охране парков и рекреационных зон (общее экологическое пространство), родительские сообщества (общее образовательное пространство) и т.п.
2. *внутригрупповая культура* – местный патриотизм, отношения «свой-чужой», личная ответственность за место проживания (или место в социальном пространстве), взаимное доверие, общие ценности и т.п.
3. *определенный характер взаимодействия и внутренней самоорганизации*, которые возникают, когда люди сообщества решают какие-либо общие проблемы своей жизни. Сообщество, в отличие от соседства, предусматривает наличие общих ценностей и интересов, организованных совместных действий, координацию общих усилий, самоуправления, представительства.
4. *наличие коллективного действия, практической реализации, активности*. Локальные сообщества – это всегда «сообщества практики». Их деятельность направлена на решение проблем, реализацию интересов, удовлетворение потребностей и т.п.

Как уже отмечалось выше, по мере продвижения от соседского уровня социальной активности к гражданскому и особенно политическому происходит не только формирование общественных интересов, но и идет постепенная институционализация форм участия населения. Формы политического участия (как имеющего непосредственное отношение к вопросам государственной власти) наиболее институционализированы, легитимизованы и регламентированы нормами закона, по сравнению с другими видами общественной активности.

Социальный (межличностный) уровень социальной активности – это начальный этап с точки зрения формообразования социальной активности, этап становления и развития общественных практик. Именно поэтому здесь они наиболее разнообразны, подвижны, больше соответствуют интересам различных групп населения. Эта неинсти-

туциализированность на начальном этапе формирования общественных интересов – важнейшее условие жизнеспособности и эффективности общественных инициатив и в целом гражданского общества. Многие исследователи отмечают преимущества отсутствия формальных рамок:

- «...посредничество закона нарушает коммуникативные структуры той сферы, которая была подвергнута юридикации. Эта форма юридикации выходит за рамки внешней законодательной кодификации прав. Следующее за этим административное проникновение в гражданское общество останавливает развитие процедур урегулирования конфликтов, которые соответствуют структурам действия, ориентированным на взаимопонимание. Это блокирует появление дискурсивных процессов формирования воли, ориентированных на поиск согласия процедур переговоров и принятие решений. Это также с необходимостью уводит от конкретного контекста, конкретных условий, отношений и потребностей в каждом индивидуальном «деле»»⁴.
- «большая независимость этой сферы от правовых норм и административных предписаний делает её гораздо более гибкой, динамичной, чуткой к изменениям; открывает совершенно иные возможности для поиска компромисса, для идеологического и ценностного дискурса в рамках социальной структуры по сравнению с традиционными формами представительной демократии. Потому и формы гражданского участия свободно возникают, развиваются, изменяются и исчезают вместе с изменениями социальной среды намного быстрее, чем институты политической системы»⁵.

Таким образом, социальная активность граждан на межличностном и отчасти на гражданском уровнях как раз и ценна тем, что это, прежде всего, живая, целенаправленная, мотивированная общественная инициатива снизу, по большей части не стесненная формальными ограничениями и внутренними регламентами.

⁴ Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М: Весь Мир, 2003. С. 690. https://vk.com/doc152405024_340745293

⁵ Подъячев К.В. Основные формы гражданского участия в условиях современной России. Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Podyachev_osn.pdf

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выводы исследования структурированы в соответствии с приведенной в предыдущем разделе схемой – вначале описывается благотворительная сфера (т.н. «помогающее поведение») и общественно-полезная деятельность (благоустройство территории, решение общественных проблем, участие в массовых акциях по защите своих интересов) как наиболее типичные формы социальной активности москвичей (по данным опроса общественного мнения жителей столицы).

Анализ деятельности локальных городских сообществ (отдельного фокуса исследования) приводится как в количественных, так и в качественных показателях (результаты массового опроса и комплексного обследования конкретных неинституционализованных сообществ).

Благотворительная и общественно-полезная активность москвичей

Исследование показало достаточно высокую степень вовлеченности москвичей в благотворительную и общественную деятельность:

- ✓ 77% - помогали незнакомым;
- ✓ 69% - жертвовали деньги или вещи;
- ✓ 49% - принимали участие в субботниках и иных мероприятиях по благоустройству территории;
- ✓ 33% - занимались решением общественных проблем;
- ✓ 25% - участвовали в массовых акциях в защиту своих интересов;
- ✓ 15% - работали волонтерами;
- ✓ 22% - участвовали в работе местных неформальных сообществ.

Неинституциональная социальная активность населения Москвы очень **разнится в зависимости от конкретных направлений** ее проявления. Есть формы, которые привлекают обширный и весьма разнородный круг участников («помогающее поведение» в широком смысле как разовая ситуативная бескорыстная помощь ближним, сбор вещей и продуктов, в меньшей степени - информационная или финансовая поддержка нуждающихся, субботники и мероприятия по благоустройству территории и т.п.), а есть более специфические формы активности, которые имеют свою достаточно устойчивую, но небольшую аудиторию участников (волонтерство, решение общественных проблем, массовые акции в защиту своих интересов и т.п.).

Наиболее популярные формы социальной активности, которые привлекают внимание и побуждают к участию широкий круг населения (от 50% до 70% москвичей, согласно данным опроса), – это чаще всего **практика «малых дел»** – т.е. мало затратные по времени, усилиям, финансам и прочим вложениям дела, минимально формализованные и имеющие целью видимую общественную пользу (помощь нуждающимся, субботники, решение общественных проблем и т.п.). То есть такая активность, которая позволит человеку ощутить свою значимость, причастность общему благородному делу (и иные символические бонусы), при этом, не сильно изменяя привычный ритм жизни и не вкладывая значительные ресурсы. Наоборот, т.н. массовые организованные акции (как благотворительные, так и гражданские) – это совершенно не многочисленный (в масштабах всего населения) тип социальной активности. По данным настоящего

исследования, аудитория такого рода акций не превышает 20-25% москвичей (причем не разово, одномоментно, а вообще, количество тех, кто имел опыт участия в такого рода мероприятиях за последние 2-3 года).

Устойчивость и стабильность участия населения в тех или иных формах социальной активности зависит от наличия интереса, равнодушного отношения к предмету активности и определенных ресурсов - свободного времени, личной мобильности, коммуникативной активности и в целом активной жизненной позиции. В этом плане исследовательского внимания заслуживают такие группы, как, например, **студенты** и **домохозяйки**, располагающие упомянутыми возможностями и ресурсами и готовые их вкладывать в общее дело. Именно они чаще остальных категорий говорили о своем опыте участия в достаточно специализированных типах социальной активности - мероприятиях по решению общественных проблем, в массовых акциях в защиту своих интересов, в работе местных сообществ, в добровольческом движении и т.п.

Важной характеристикой среды, которая формирует и направляет социальную активность населения, является **уровень общественного доверия и сплоченности/разобщенности граждан**. Исследование показало, что многие москвичи относятся к людям вообще (далее окружение) настороженно, не испытывают к ним доверия, считают разобщенными (75% респондентов считает, что в *отношениях с людьми следует быть осторожными*, ~50% уверены, что *между людьми в нашей стране больше несогласия и разобщенности*). При этом ближнее окружение воспринимается, напротив, вполне дружественным и консолидированным. Наибольшая разница в восприятии этой социальной дистанции между людьми внутри ближнего и дальнего круга наблюдается среди молодежи и (чуть в меньшей степени) среди домохозяек. Признавая немного чаще остальных категорий населения, что в их ближайшем окружении больше согласия и сплоченности, эти респонденты, тем не менее, так же чаще остальных полагают, что в их дальнем окружении, среди вообще людей в стране, больше разобщенности. В качестве объяснения здесь возможно влияние разных факторов. С одной стороны, ближний круг – это часто референтные категории, значимые, селектированные в процессе общения. К тому же в информационном потоке со стороны СМИ часто преобладает негатив, и люди иногда представляют далекую от себя жизнь в негативном свете, на этом фоне своя жизнь кажется спокойнее, не такой критичной, как в стране в целом. В этом плане, и студенты, и домохозяйки включены в этот информационный поток, являются его активными потребителями. С другой стороны, студенты и домохозяйки, имея **большой** опыт общественной активности, возможно, чаще остальных сталкивались с равнодушием, пассивностью, нежеланием окружающих включаться в общественно-полезные дела.

Разница в восприятии ближнего и дальнего окружения в определенной степени показывает значимость фактора межличностной коммуникации в нормализации общественного климата - по мере роста социальных взаимосвязей, увеличения личных контактов и знакомств поднимается и **уровень общественного доверия, и в целом улучшается социальный климат**. В этом плане неформальные сообщества и группы москвичей являются прекрасной площадкой для налаживания межгрупповой коммуникации.

Общественный климат определяет и **готовность жителей к социальной активности**. Судя по обобщенным данным опроса, существует группа объемом не более 20%

москвичей, которые совершенно не готовы к коллективному действию и социальной активности. Еще около 30-40% респондентов находятся на противоположном фланге и выражают определенное намерение принимать участие в общественно-полезной работе (*уже участвуют (16%) и готовы участвовать в будущем (26%)*). Промежуточная часть граждан (около 35-40%) – это люди, которые не отмечают для себя такой возможности, но и не проявляют большого желания. Именно эта часть москвичей и составляет потенциал для роста социальной активности. Каких-то ярко выраженных особенностей в социально-демографическом плане эта группа практически не имеет.

Большинство из тех, кто обладает каким-то опытом участия в благотворительности и общественно-полезной деятельности, не считает ее модной, престижной, дающей какие-либо социальные преимущества (53% опрошенных не согласились с суждением, что *участвовать в благотворительности становится модным*, 58% - не согласны, что *участие в благотворительности помогает добиться уважения окружающих*, 64% не согласны с высказыванием *многие мои знакомые занимаются благотворительностью*). С одной стороны, это показывает, что филантропия для большинства «дающих» совершенно не обуславливается символическими выгодами. Но, с другой стороны, с точки зрения необходимости продвижения благотворительных практик, это раскрывает перспективы формирования в общественном мнении образа благотворительности не просто как некоего индивидуального альтруистического акта, а именно как **социально полезной системной активности, направленной на достижение общего блага**. В этом плане вполне позитивно, если благотворительность будет восприниматься модной, престижной или популярной (не в значении сиюминутной славы, а как распространенное и социально поощряемое явление, приносящее людям авторитет и уважение общества).

Основной причиной своего неучастия в благотворительной и общественно-полезной деятельности москвичи называют отсутствие финансовых возможностей и времени. Многие вообще не считают нужным помогать нуждающимся, перекладывая социальную ответственность на других субъектов (государство, самих нуждающихся - *каждый помогает сам себе*, состоятельных граждан). Важным мотивом неучастия является довольно негативное отношение к благотворительности и благотворительным организациям. Некоторые москвичи считают, что благотворительные организации не заслуживают доверия, мало помогают обществу, а сама по себе благотворительность развращает и не решает никаких проблем. Эти позиции достаточно сильны среди тех, кто не участвовал и не собирается участвовать в благотворительной и общественно-полезной деятельности (доля согласных с этими суждениями среди тех, кто не участвует в благотворительных и общественных делах, составляет 50% и 31% соответственно, а в пересчете на все опрошенное население эти категории набирают 11% и 7%).

Интерес к теме благотворительности и общественно-значимых мероприятий в обществе **не очень высок**, многие москвичи (до 60% от числа всех опрошенных) не хотят получать новой информации на эту тему. В какой-то мере это показатель того, что традиционные методы информирования и привлечения людей, видимо, не очень работают. С другой стороны, информационная «усталость» многих москвичей вовсе не исключает их из сферы благотворительности, а просто указывает на то, что, возможно, нужны новые формы, методы и каналы распространения и представления информации.

Деятельность локальных сообществ в общественном мнении

Отдельной темой исследования являлась практика работы неформальных локальных сообществ. В качестве наиболее **значимых факторов** развития местных инициативных групп были рассмотрены:

- ✓ *интерес к местным новостям* - следят за местными новостями около 60% опрошенных, причем половина делает это регулярно,
- ✓ *информированность о работе местных сообществ* - 60% знают о работе местных сообществ (причем половина из них – либо лично сталкивались с их деятельностью, либо хорошо осведомлены),
- ✓ *возможность повлиять на решения городских властей* - 58% москвичей считают, что это возможно (причем две пятых (40%) из них – безусловно уверены в этом),
- ✓ *ощущение собственной ответственности за происходящее в районе* – 35% чувствуют эту ответственность.

Уровень самого участия в деятельности местных сообществ составил примерно ~22% участников опроса. Наиболее популярные направления деятельности местных сообществ (те, в работе которых респонденты принимали личное участие) – экология и защита зеленых насаждений и парковых зон, помощь незащищенным слоям населения, содержание, ремонт и благоустройство дома и придомовой территории, зоозащита. А вот список наиболее известных сообществ, чья деятельность получает большую общественную огласку, - выглядит немного иначе – это, прежде всего, соседские сообщества, экология и защита зеленых насаждений, сообщества автолюбителей, зоозащита и благотворительность (немного другой порядок и формулировки). Таким образом, публичность (представленность сообществ в информационном пространстве) и их реальная активность (в плане привлечения участников) не всегда совпадают.

В качестве основного **побудительного мотива участия** в деятельности местных сообществ респонденты называют общественное служение в благородном смысле этого слова – **желание ощущать себя полезным и приносить пользу другим** (этот мотив важен для 60% участников локальных сообществ). Препятствием для расширения аудитории местных сообществ (по крайней мере, на уровне деклараций) является, прежде всего, отсутствие у многих москвичей, по их словам, ресурсов для участия (*«нет возможности»*).

Лидирующее положение в качестве **источников местных новостей** занимают интернет-ресурсы (за исключением портала госуслуг/mos.ru, блога мэра Москвы, платформы «Активный гражданин», мобильных приложений и т.п.), местная пресса, сарафанное радио и наружная информация (объявления в подъездах и на информационных стендах). Опрос показал, что около 40% москвичей посещают интернет-порталы, форумы, интернет-сообщества своего района, микрорайона (причем только четверть из них делает это на регулярной основе). Таким образом, интернет в целом (в разных формах - группы, сообщества, социальные сети, мессенджеры и т.п.) является важным, но не единственным источником местных новостей и не исчерпывает информационную среду местных сообществ. Даже дополненный межличностными коммуникациями (когда новости и дискуссии на местных интернет-ресурсах и в группах пересказываются при личном общении родственникам, знакомым, соседям), он не покрывает всех кате-

горий населения, интересующихся местной новостной повесткой. Таким образом, нельзя связывать работу местных сообществ исключительно с сетевыми коммуникациями.

Наиболее частым контрагентом среди структур власти и местного самоуправления для местных сообществ являются, по словам респондентов, **местные органы исполнительной власти – муниципальные администрации** (40%). Четверть респондентов сообщили о контактах своей группы с мэрией Москвы, 20% обращались за помощью в органы местного самоуправления, к муниципальным депутатам. Встречаются разные оценки опыта взаимодействия местных сообществ с различными органами власти, но в целом положительных оценок почти в полтора раза больше, чем отрицательных. Это говорит о том, что у местных сообществ имеется опыт (и не единичный) вполне конструктивных рабочих отношений с государственными органами и/или органами местного самоуправления, что подтверждает эффективность и результативность работы этих местных сообществ. В конечном счете, это показывает, в какой мере местные сообщества становятся эффективным каналом продвижения и отстаивания интересов рядовых граждан.

Локальные сообщества глазами их активистов (качественный анализ)

Исходными **гипотезами исследования** были следующие предположения:

- Совместные действия членов сообщества носят непостоянный (эпизодический) характер, направлены скорее на решение конкретных социальных проблем, не затрагивают другие сферы их жизнедеятельности.
- Неинституционализированные сообщества склонны к горизонтальному типу связей (образуют сетевые структуры), члены сообщества являются противниками иерархичного стиля управления.
- Ядро сообщества составляет ограниченное число участников-активистов (от 2 до 5 человек), остальные многочисленные участники сообщества являются его периферией.
- В сообществах приняты и зафиксированы ценности, нормы и правила сообщества, которые фиксируются и заявляются публично в виртуальном пространстве, передаются в процессе присоединения к сообществу, а также неформально в процессе социализации внутри группы.
- Тема взаимодействия с «внешним миром», со стейкхолдерами является проблемой для сообществ: у них не налажены сети взаимодействия, а также правила коммуникации с государственными институтами.

Действительно, в целом опыт всех рассматриваемых сообществ в той или иной степени подкрепляет эти гипотезы (хотя и с некоторыми оговорками).

Практически все изученные сообщества ситуативны, возникли **как спонтанная реакция на проблемные, спорные ситуации**. До появления исходных конфликтных обстоятельств жители (за редким исключением) не участвовали в низовых инициативах регулярным образом. Деятельность сообществ (особенно на начальном этапе) также слишком подвержена внешним обстоятельствам, представляет собой непосредственную реакцию на внешние угрозы их интересам, носит резонансный, ответный характер.

Активизм большинства участников сообществ тоже ситуативен (участие в разовых акциях, а не в регулярной постоянной работе). Устойчивый активизм проявляют только лидеры и ядро сообщества. Для периферии сообщества есть даже особый термин – «пассивный активизм» – тот, который не требует особых затрат (финансовых, материальных, временных и т.п.) – например, разовая благотворительность или подписание петиций и т.п.

Зачастую сообщества **остаются в рамках своей узкой проблематики**. Участникам сообществ важно решить какие-то свои частные вопросы. Такая узость подходов, отсутствие системного видения, непонимание типичности своей частной ситуации, нежелание выйти за рамки своей проблематики и/или территории является важным препятствием в работе сообществ, мешающим их укрупнению и эффективности. Деятельность группы может вообще затухнуть после того, как базовая проблема решена («SOS 120», «Даниловский район против реновации»).

В этом плане **соседские сообщества**, по сравнению с другими сообществами по решению конкретных городских проблем, немного выделяются из общего ряда. Соседское сообщество теснее привязано к конкретной географической территории и вынуждено решать целый спектр вопросов, причем также возникающих стихийно. Впрочем, эта ситуативность объясняется разными факторами. С одной стороны, такая ситуативная реакция – это скорее признак некоторой незрелости сообщества. Она обусловлена, прежде всего, тем, что сообщество не обладает достаточными ресурсами для работы на опережение, не способно заранее просчитать и предотвратить моменты, проблемные точки, которые требуют вмешательства жителей, их коллективного действия. С увеличением опыта и компетенций лидеров элемент ситуативности и спонтанности в сообществе сокращается. С другой стороны, ситуативность говорит и об отсутствии механизмов согласования решений органов власти с жителями, точнее о нежелании власти согласовывать свои действия с простыми жителями.

Роль лидеров, ядра сообщества очень велика. От их сплоченности зависит эффективность работы всей группы (сообщества). Изученные кейсы демонстрируют пример, когда конфликт внутри ядра приводил к расколу группы («Совет депутатов МО Крылатское»). С другой стороны, можно наблюдать и успешный опыт работы сообщества во главе с несколькими лидерами («Гагаринский район» во главе с достаточно большой группой лидеров, «Объединение жителей района Хамовники» - 5-7 лидеров, в последнем случае происходило постепенное сближение их позиций). Причем, часто лидеры не позиционируют себя в качестве руководителей сообщества, не выстраивают иерархичность в группе, не дистанцируются от остальных участников сообщества, отдавая предпочтение горизонтальным связям.

По мере развития сообщества происходит **рост компетенций и профессионализация лидеров**. Примеры этого можно встретить в настоящем исследовании: наблюдается несколько случаев, когда руководители сообществ становились муниципальными депутатами («Гагаринский район», «Даниловский район против реновации», «Парк 50-летия – наш любимый парк», «Объединение жителей района Хамовники») или, наоборот, когда муниципальные депутаты создавали новые сообщества «под себя» («Совет депутатов МО Крылатское»). Наличие депутатов муниципальных собраний в сообществе в некотором смысле выгодно сообществам: будучи представителями органов местного самоуправления, муниципальные депутаты пользуются определенным дове-

рием у жителей и, в то же время, имеют некоторый авторитет у властных структур, деловых и общественных организаций; также в силу своей депутатской деятельности они обладают большим опытом и компетенциями.

Для эффективности сообществ важна не только деятельность лидеров - **нельзя преуменьшать роль периферии, широкого круга участников сообществ**. Это не просто инертные горожане – пусть и пассивные, но это уже члены группы. Они ощущают свою групповую идентичность, делегируют свои полномочия руководству сообщества, принимают участие в акциях, требующих масштабного коллективного действия.

Из-за того, что рассмотренные в исследовании сообщества возникли под влиянием внешней угрозы интересам их членов, внутри их культурной составляющей обострена **идентификация по принципу «свой-чужой»**. Проявления этого разнообразны: входные анкеты при вступлении в онлайн сообщество («Парк 50-летия – наш любимый парк», «Объединение жителей района Хамовники»), закрытость сетевых ресурсов для стороннего наблюдателя («SOS 120»), жесткое модерирование и неприятие иной (в данном случае провластной) точки зрения как элемент групповой культуры («Гагаринский район», «Объединение жителей района Хамовники»). Эта тенденция проявляется и в том, как сообщества реагировали на факт стороннего наблюдения (в рамках данного исследования): были случаи отказа от интервью со стороны лидеров/активистов (либо весьма настороженного отношения). В четырех сообществах последовала негативная реакция и отказ на предложение провести групповую дискуссию с рядовыми членами.

Основные опасения лидеров сообществ были обусловлены подозрениями, что какая-то внутренняя информация станет достоянием властных структур и будет использована против самих сообществ. Это не просто следствие **режима приватности**, когда решения обсуждаются в узком кругу лидеров «за закрытой дверью» и уже затем выносятся на общее обсуждение и исполнение, поэтому соблюдается внутригрупповая конфиденциальность. За этими отказами прослеживается определенная тенденция, некая сознательная позиция руководства сообществ по отношению к городской власти как основному источнику внешних угроз. Это – свидетельство определенного кризиса доверия в обществе, серьезной дистанции, отчуждения между населением в лице сообществ и властными структурами. Активисты в интервью признаются, что со стороны городского руководства разных уровней наблюдается равнодушие к позиции жителей, нежелание вступать в диалог и учитывать их мнение, что порождает у граждан недоверие и негативные ожидания. В риторике интервьюируемых активистов прямо звучит мысль, что «власть заостенела», может «задушить» их инициативу, «сделать гадость» сообществу и т.п.

При этом совершенно нельзя сказать, что все городские сообщества живут в таком режиме «войны», противостояния с властью. Только в одном случае («Объединение жителей района Хамовники») упоминалось, что один из лидеров сообщества *«лезет на баррикады»* (причем это упоминалось скорее в негативном контексте, такая практика одобряется далеко не всеми лидерами и участниками сообщества). Более того, наличие такой установки не мешает сообществам иметь вполне конструктивные и устойчивые отношения со своими контрагентами в структурах городского управления и даже добиваться успехов в отстаивании своих интересов.

Также в сообществах есть понимание, что **чрезмерная политизация** (выход на уровень противостояния, борьбы с властью) **мешает решению проблем**. Несмотря на недовольство внутри сообществ политикой руководства города, гражданская активность пока не перерастает в политическую, протестную (либо протестная активность пока не поддерживается большинством и удерживается в «мирных рамках», как в случае с «Объединением жителей района Хамовники»).

При рассмотрении локальных городских сообществ важно учитывать еще и общий контекст «сетевого» пространства, в котором живет современное общество. Онлайн группы сообществ становятся не только дополнительным ресурсом для них, но и зачастую приобретают собственную субъектность. **В качестве ресурса сетевая группа** обеспечивает сообществу:

- оперативное распространение информации,
- внешнюю и внутреннюю коммуникацию,
- определение проблемных точек, выработку стратегии развития,
- возможность публичного обсуждения принимаемых решений,
- рекрутинг новых членов, повышение активности участников сообщества,
- координацию деятельности и мобилизацию сообщества,
- взаимопомощь в рамках сообщества,
- формирует внутреннюю культуру сообщества, укрепляет локальную идентичность, внутригрупповые связи, дает ощущение защищенности и приобщенности к группе,
- удовлетворяет потребность в общении.

Формат сетевого сообщества повторяет и воспроизводит основные принципы «офлайн сообщества»: отсутствие иерархии, горизонтальные связи, децентрализованность (особенно в случае, когда сообщество имеет дело не с одной, а с целым комплексом проблем), самоорганизация, гетерогенность, независимость, динамичность, открытость для новых членов и т.п. Но именно эти же принципы и приводят к тому, что сетевое сообщество становится не тождественно сообществу офлайн, его породившему, и начинает жить собственной жизнью. Одноименные онлайн и офлайн сообщества могут отличаться как минимум аудиторией (привлекая внимание не только членов офлайн сообщества, но и широкой аудитории). Сетевой ресурс может быть общей площадкой для группы родственных офлайн сообществ. Кроме того, бурная сетевая активность в онлайн группе вовсе не означает продуктивную работу сообщества «в реале» – иногда это просто разговоры и выплески эмоций. Контрпродуктивность этого, по мнению активистов-участников настоящего исследования, заключается не только в отвлечении внимания и пустом расходовании сил. За этим активисты видят прямую выгоду власти, т.к. это снижает градус напряжения и ослабляет работу сообщества, «распыляет» его силы. В этой связи активисты называют и недостатки коммуникации через социальные сети: слабая рефлексия, высокие темпы устаревания информации, слабая ориентация на внутреннюю коммуникацию, ограниченный состав участников (недоступность интернета для некоторых категорий).

Поэтому отдельной частью работы сообществ (что подтвердило и наблюдение в рамках данного исследования) становится организационная работа офлайн («Гагаринский район», «Даниловский район против реновации», «Объединение жителей района Хамовники», «SOS 120»). Активисты, которые принимали участие в исследовании,

обосновывали необходимость этого, прежде всего, тем, что в сети присутствуют не все группы населения (другая возрастная группа, другой круг общения и т.п.), а работать сообществу необходимо со всеми заинтересованными категориями местных жителей. Часто эта работа также организована по сетевому принципу: например, в доме находится один активист, который заводит для всех жителей своего дома чат в мессенджерах или обходит их лично для информирования и привлечения внимания к деятельности сообщества. Также организуются массовые мероприятия и личные встречи с лидерами сообщества в офлайн, раздаются листовки, новостные листки сообщества и т.п.

Ключевой вопрос настоящего исследования состоял в том, чтобы понять **потребность низовых сообществ в институционализации**, т.е. в приобретении ими официального статуса некоммерческих организаций. Здесь важно отметить, что локальные городские сообщества представляются принципиально иным явлением, нежели НКО – и не только в силу отсутствия формального юридического статуса. Далеко не всякое сообщество перерастает в НКО. От лидеров и от рядовых участников требуются принципиально иные качества. Необходимо изменить основные внутригрупповые принципы работы – деятельность НКО, в отличие от активности сообществ, устойчива, рассчитана на долгосрочную перспективу, она предполагает более высокую степень ответственности всех участников организации (не только лидеров), наличие четкой стратегии развития, более высокую степень профессионализма и вовлеченности всех членов, серьезное ресурсное и правовое обеспечение. Нужно преодолеть узость и ограниченность частных интересов, приобрести более широкое видение ситуации. Формальная некоммерческая организация, в свою очередь, уступает сообществам в спонтанности, непосредственности, независимости, подвижности.

Среди исследуемых сообществ, два уже имеют некоторые привязки к институционализированным структурам («Гагаринский район» тесно связан с общественной организацией «Союз жителей Гагаринского района»; а актив «Совет депутатов МО Крылатское» составляют муниципальные депутаты, что также предполагает некоторый официальный статус сообщества). В трех других сообществах были попытки инициировать дискуссию на эту тему («Даниловский район против реновации»: было предложение создать НКО, но его не поддержали; «Парк 50-летия – наш любимый парк» и «Объединение жителей района Хамовники»: есть намерение создать НКО, но пока вялотекущее из-за незнания юридических процедур). В остальных случаях не было даже и желания получить статус формальной организации. Многие активисты понимают значимость официального статуса своего сообщества, видят в этом дополнительные ресурсы и возможность наладить более конструктивный и плодотворный диалог с властью.

Однако независимо от наличия намерения получить статус НКО, представители всех исследуемых сообществ говорили и о **существенных препятствиях и угрозах** в этом вопросе:

- увеличение бюрократической нагрузки, которую не готовы брать на себя активисты, действующие на общественных началах; создание дополнительных сложностей («бегать по разным инстанциям», заполнять бумаги, вести отчетность и т.п.);
- закрепление формальных должностей и обязанностей, что может повысить конфликтность в неформально структурированной инициативной группе;

- ориентированность сообщества на решение узких целей не предполагает решения косвенных задач, напрямую не приближающих к достижению цели;
- пассивность, равнодушие отдельных членов сообществ;
- опасность подпасть под «закон об иностранных агентах»;
- уязвимость для власти в случае официальной регистрации;
- желание сохранить свою независимость от власти (наличие официального статуса может привести к потере оппозиционной составляющей в деятельности сообществ и их превращению в подвластные структуры, действующие в собственных интересах, а не в интересах простых горожан).

Важно, что институционализация рассматривается представителями изучаемых в настоящем исследовании сообществ исключительно как инструмент повышения эффективности коммуникации с властью. При этом у них совершенно отсутствует интерес к теме государственной ресурсной, финансовой поддержки деятельности сообщества. Это не значит, что данная тема совсем не актуальна для городских сообществ вообще, это скорее говорит о специфике именно рассматриваемой категории сообществ (конфликтные сообщества). Находясь в некотором противостоянии с решениями властей города, эти сообщества ощущают свою уязвимость, слабость, незащищенность и очень осторожны и внимательны в любых контактах с властными органами.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОДДЕРЖКЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОСКВИЧЕЙ (предварительный список для экспертной сессии)

1. Социальная активность москвичей достаточно **высока, причем значительная ее часть протекает в неинституционализированной форме** (49% опрошенных принимали участие в благоустройстве территории, 33% - занимались решением общественных проблем; 25% - участвовали в массовых акциях в защиту своих интересов; 15% - работали волонтерами; **22% - участвовали в работе местных неформальных сообществ VS 14% участвовали в деятельности НКО**). Таким образом, неформальная социальная активность жителей Москвы – весьма массовое явление, которое заслуживает внимательного и аккуратного рассмотрения.
2. Общественная активность граждан на социальном (межличностном) и отчасти на гражданском уровнях – это живая, спонтанная, динамичная, подвижная социальная инициатива снизу. Находясь на этапе своего первоначального формирования и становления (осознание групповой идентичности и артикуляция групповых интересов), эти общественные начинания могут быть очень хрупкими, неустойчивыми, чуткими к любым внешним воздействиям. **Любые формальные ограничения и внутригрупповые регламенты, предлагаемые извне (особенно сверху, со стороны официальных органов), могут только помешать этому развитию.**
3. Исследование показало, что требуется **дифференцированный подход для разных направлений социальной активности**. Два главных типа сообществ – конфликтные и поддерживающие⁶ – нуждаются в принципиально разных механизмах помощи и содействия. Поддерживающие сообщества в целом вполне лояльны к любого рода ресурсной поддержке со стороны руководства города, а конфликтные зачастую занимают достаточно принципиальную и независимую позицию по отношению к городскому руководству.
4. Социальная активность – это показатель состояния общественного климата, того, насколько люди ощущают свое единение, доверие друг другу. Одним из механизмов нормализации общественной атмосферы, роста межличностного доверия и сплоченности является укрепление межличностных коммуникаций. В этом смысле, **весьма перспективной видится деятельность, направленная на расширение коммуникативных и информационных возможностей населения и создание дружественной среды для развития низовых инициатив**. Правда, такие меры актуальны больше для групп или сообществ, чья деятельность не связана с какими-то конфликтными ситуациями (особенно в связи с решениями властей). Это, прежде всего, касается социальной активности в сфере благотворительности, просвещения, досуга и культуры.

⁶ Неформальные сообщества делятся на *конфликтные* (возникшие вследствие спорной, конфликтной ситуации - решение городских проблем и защита своих интересов) и *поддерживающие* (помощь, просвещение, защита прав, досуг и культура).

5. Тема благотворительности, ее публичное представление вообще требует некоторого переосмысления. Сегодня благотворительность стала распространенным явлением, о ней много говорят в СМИ. Возможно, у некоторых москвичей возникает определенное отторжение – существует немало людей, которые прямо говорят, что благотворительность развращает, благотворительные организации не вызывают у них доверия. Для расширения благотворительных практик представляется важным показать в общественном мнении благотворительность не просто как частную инициативу, а как распространенное и социально поощряемое явление, приносящее людям авторитет и уважение общества.
6. Вместе с тем, исследование выявило некоторую **«усталость» значительной части москвичей от «лишней» информации**, в т.ч. и от новостей о благотворительных и общественно-полезных мероприятиях в городе. В этой связи, возможно, нужны новые формы, методы и каналы распространения и представления информации. В частности, было бы интересно усилить роль референтных каналов продвижения информации – через компетентных и значимых людей, через авторитетные неофициальные сетевые и печатные каналы⁷, поставлять разный контент в зависимости от аудитории и т.п. – т.е. все, что будет способствовать повышению доверия людей к новой информации и личной идентификации с ней.
7. Отдельная тема – это **социальные инициативы, возникающие как ответ на ситуации в связи со спорными решениями властей**. Как показало настоящее исследование, деятельность таких сообществ носит оборонительный характер – они иницируются для защиты своей «территории» от внешних угроз. Главным источником этих угроз воспринимается власть, в т.ч. и городская. Несмотря на то, что во многих исследуемых сообществах налажен вполне конструктивный диалог с местной властью, имеется положительный опыт взаимодействия с властными органами разных уровней и в чем-то успешного решения своих проблем, фоном продолжают звучать упреки власти в том, что она пытается «помешать, навредить, задуть» и в целом не настроена на то, чтобы согласовывать свои решения с простыми жителями. Этот источник общественного напряжения можно нивелировать только открытостью и прямым и честным диалогом между всеми заинтересованными сторонами.
8. С точки зрения развития человеческого потенциала инициативных групп граждан представляется значимым **повышение локального патриотизма** населения. Как показало исследование, многие москвичи интересуются новостями своего района, знают о существовании местных сообществ и даже верят в возможность повлиять на решения городских властей. Однако уровень личной ответственности жителей города за происходящее в их районе невысок. И повысить его может расширение символического пространства местной идентичности (не просто общемосковской, но и именно районной) – создание местных памятников, достопримечательностей, символов, популяризация исторических сюжетов, проведение ярких публичных массовых районных мероприятий и т.п.

⁷ Помимо сетевых средств распространения информации (интернета) в качестве источника локальных новостей, исследование показало высокий интерес и востребованность большей части москвичей к местной (районной и городской) прессе.

9. Для повышения эффективности работы сообществ необходимо развивать **компетенции и профессионализацию их лидеров и актива**. Для этого возможно проведение и популяризация образовательных программ, связанных с информационным, организационным, коммуникационным, юридическим и иным сопровождением работы местных сообществ и иных неформальных социальных практик.
10. **Специфика конфликтных** сообществ (а это значительная часть локальных сообществ) такова, что, находясь в некотором противостоянии с решениями властей города, они ощущают свою уязвимость, слабость, незащищенность и очень осторожны и внимательны в любых контактах с властными органами. В этом плане любая их **поддержка** (а такая поддержка им крайне нужна, по их же собственным словам) **возможна лишь в форме общественного содействия**, помощи со стороны гражданских структур, не связанных напрямую с официальной властью.